

В.Н. Леонтьев

**Оправданные, осужденные.
Укрывшиеся от суда**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
В11

В11 **В.Н. Леонтьев**
Оправданные, осужденные. Укрывшиеся от суда / В.Н. Леонтьев – М.: Книга
по Требованию, 2016. – 376 с.

ISBN 978-5-518-06723-3

Оправданные, осужденные.

Укрывшиеся от суда.

Замечательнейшие уголовные процессы из практики новых судов, с критическим разбором предварительных следствий, произведенных по этим процессам.

ISBN 978-5-518-06723-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Прошло слишкомъ годъ времени съ тѣхъ поръ, какъ судебные уставы 20-го ноября 1864 года введены въ дѣйствіе въ петербургскомъ и московскомъ округахъ. Не мало дѣлъ было разсмотрѣно и рѣшено новыми судами въ этотъ, хотя и непродолжительный, періодъ полныхъ интереса, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ могли бы занять не послѣднее мѣсто между такъ-называемыми *causes celebres*. Были дѣла замѣчательныя по сложности и запутанности обстоятельствъ; были такія, которыя затрогивали самые живые интересы общества; не было недостатка и въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ раскрывались слабыя стороны бюрократіи, до того невыходившія наружу; присяжные, наконецъ, призывались произносить приговоры по дѣламъ, возникшимъ отъ столкновенія членовъ общества съ лицами, власть имѣющими, и подчиненныхъ съ начальствующими... Словомъ, разнообразіе обсужденныхъ дѣлъ было таково, что, несмотря на кратковременность новой уголовной практики, есть уже возможность составить понятіе о характерѣ и направленіи, какія принимаютъ у насъ рѣшенія присяжныхъ. Цѣль настоящаго труда не дозволяетъ мнѣ вдаваться въ изслѣдованіе этой, весьма интересной, стороны дѣла; но, во всякомъ слу-

чаѣ, можно смѣло сказать, что приговоры нашихъ присяжныхъ засѣдателей, далеко не оправдали предсказаній пессимистовъ, утверждавшихъ, что русское общество не созрѣло для такой формы суда и что оно не можетъ даже выставить изъ среды себя достаточное число лицъ, способныхъ сознательно произнести приговоръ о виновности или невинности подсудимаго; практика, хотя и непродолжительная, доказала противное. Огромное большинство дѣлъ рѣшено присяжными засѣдателями съ большимъ тактомъ и съ весьма разумною осторожностью. Если дѣла по обвиненію въ менѣе важныхъ преступленіяхъ, какъ, на примѣръ, въ разнаго рода воровствахъ, иногда и кончались обвинительнымъ приговоромъ при уликахъ, по видимому, не вполне для этого достаточныхъ, то нельзя сказать того же относительно такихъ дѣлъ, гдѣ роковое «да, виновенъ» присяжныхъ засѣдателей влекло за собою высшія мѣры наказанія: каторгу, ссылку, лишеніе правъ состоянія. Въ этомъ отношеніи наши присяжные явились тѣмъ же, чѣмъ они являются вездѣ, гдѣ существуетъ судъ присяжныхъ: строго-осмотрительными въ случаяхъ, выходящихъ изъ ряду вонъ, и менѣе мягкими по отношенію къ болѣе обыденнымъ нарушеніямъ. Противъ такого направленія судовъ присяжныхъ можно высказать много очень хорошихъ разсужденій, въ томъ духѣ, что присяжные, принадлежа, болѣею частію, къ разряду собственниковъ, не очень разборчивы по отношенію къ доказательствамъ, когда дѣло идетъ о покушеніяхъ на чужую собственность, именно потому, что они собственники. Но какъ бы ни были хороши и эффектны эти разсужденія, однако фактъ, что при судѣ присяжныхъ интересы общества ограждены несравненно болѣе, чѣмъ при нашемъ старомъ уголовномъ процесѣ, останется, тѣмъ не менѣе, фактомъ несомнѣннымъ и непоколебимымъ, особенно въ смыслѣ

огражденія отдѣльныхъ личностей, подпадающихъ обвиненію или подозрѣнію въ преступленія. Неоспоримо, что наши присяжные, какъ и присяжные другихъ странъ, не застрахованы отъ судебныхъ ошибокъ, и что ошибки эти, какъ влекуція за собою лишеніе свободы, чести и счастья чело-вѣка — ошибки страшныя. Неоспоримо и то, что ошибки эти, когда онѣ происходятъ отъ неумѣреннаго опасенія за сундуки и карманы, отъ слишкомъ легкомысленнаго взгляда на дѣло и на послѣдствія обвинительнаго приговора, или когда онѣ являются, какъ слѣдствіе страха, ожесточенія, увлеченія ложною идеею — въ строгости приговора искать средствъ противъ повторенія извѣстнаго рода преступленій; неоспоримо, что судебныя ошибки при этомъ уже не просто ошибки, а нѣчто гораздо болѣе. Но едва ли справедливо отно-ситься безусловно строго къ тѣмъ приговорамъ присяжныхъ засѣдателей, которые могутъ иногда казаться основанными на недостаточныхъ уликахъ. Убѣжденія въ виновности даннаго лица, при данныхъ уликахъ, воцѣрвухъ, слагаются въ со-вѣсти каждаго чрезвычайно разнообразно, подъ вліяніемъ чрезвычайно разнообразныхъ взглядовъ на смыслъ и значе-ніе уликъ; то, что иногда для одного не имѣетъ никакого значенія, для другого представляется самымъ убѣдитель-нымъ доказательствомъ виновности; при этомъ важную роль играетъ не только умственное и нравственное развитіе ли-ца, обсуждающаго значеніе уликъ, но и разнообразіе путей, проходимыхъ присяжными судьями, какъ членами общества, и приобретающими, каждый на своемъ пути, опытность въ распознаваніи людей и въ оцѣнкѣ фактовъ. Вотъ-то, на приговоры присяжныхъ имѣютъ вполне законное вліяніе условія, при которыхъ собраны представленныя ими улики, и вообще всѣ данныя для произнесенія приговора. Если

обстановка дѣла такова, что для присяжныхъ не существуетъ сомнѣнія въ добросовѣстности лицъ, собиравшихъ данныя, и судебное слѣдствіе обнаружитъ, что не только насилія (разумѣется, нравственнаго, о физическомъ теперь не можетъ быть и рѣчи), но и никакихъ недобросовѣстныхъ и возмущающихъ чувство справедливости средствъ, для раскрытія истины, не было употреблено, и что если и есть упущенія, то они не существенны, присяжные почти всегда удовольствуются гораздо меньшимъ числомъ данныхъ для обвиненія, и это по весьма простой причинѣ — потому что каждая данная, въ подобномъ случаѣ, приобретаетъ для нихъ огромное значеніе, вырастаетъ до степени почти несомнѣнной улики. Наоборотъ, если судебное слѣдствіе обнаружитъ, что предварительное слѣдствіе ведено съ отступленіемъ отъ началъ уваженія личности, съ употребленіемъ приемовъ, возмущающихъ чувство справедливости, тогда достаточно уничтоженія одной, даже и неважной, улики, добытой при помощи такихъ приемовъ, чтобъ присяжные отнеслись съ недоувѣріемъ ко всемъ остальнымъ, и дѣло обвиненія проиграно.

Да и мало ли, кромѣ этого, совершенно неуловимыхъ, тайныхъ причинъ, по которымъ иногда, можетъ быть, совершенно неожиданно для другихъ, произносятся присяжными «да» или «нѣтъ», и между тѣмъ никто, не рискуя самъ произнести несправедливый приговоръ по отношенію къ присяжнымъ, не въ правѣ осудить ихъ рѣшеніе. Время и случай могутъ, конечно, обнаружить ошибку; но что же это докажетъ? Только то, что давно всемъ извѣстно и противъ чего никто не спорить — что люди не непогрѣшимы. Слѣдуетъ ли, однако, выводить изъ этого заключеніе, что къ приговору присяжныхъ каждый можетъ относиться по своему усмотрѣнію, не

считая себя безусловно обязанным уважать его? Очевидно, нѣтъ; потому что если общество присвоить себѣ право, на основаніи примѣровъ судебныхъ ошибокъ, относиться къ приговору присяжныхъ иначе, какъ къ обязательной для него истинѣ, оно этимъ будетъ подрывать значеніе суда и дастъ право относиться къ его рѣшеніямъ подобнымъ же образомъ неблагонамѣреннымъ агентамъ администраціи, чего, конечно, никто изъ честныхъ членовъ общества желать не можетъ.

Къ сожалѣнію, въ нашей періодической печати были примѣры явнаго непониманія значенія приговоровъ суда присяжныхъ, и даже явно преднамѣренныхъ попытокъ подорвать довѣріе общества къ этимъ приговорамъ. Люди и печатные органы, прибѣгавшіе къ этимъ преступнымъ противъ общества попыткамъ, вызываютъ отвращеніе къ нимъ всѣхъ честныхъ людей, и на ихъ сужденіяхъ не стоить останавливаться. Но въ обществѣ, и частью въ періодической печати, высказывались иногда и такіа сужденія по поводу иныхъ приговоровъ, которыя заслуживаютъ вниманія; высказывались нападки не на самые приговоры, а на недостаточность, будто бы, энергіи и умѣнья въ лицахъ, призванныхъ властью для огражденія интересовъ общества, въ качествѣ обвинителей, что и имѣло, будто бы, вліяніе на благопріятный для подсудимаго исходъ дѣла, тогда какъ, при бѣльшемъ искусствѣ и энергіи со стороны обвинителей были бы иные результаты.

Я не стану приводить примѣры и случаи, когда именно слышались эти нападки; но, прислушиваясь къ нимъ, я пришолъ къ заключенію, что нападки эти въ значительной долѣ несправедливы. Я не думаю выступать адвокатомъ состава прокурорскаго надзора въ петербургскомъ и московскомъ округахъ, не стану утверждать, что прокурорскій надзоръ составленъ изъ людей непогрѣшимыхъ и вполне бе-

зупречныхъ; но мнѣ кажется, что обвиненія, которыя слышатся иногда въ обществѣ, по поводу рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, направлены не въ ту сторону, и что причины, почему нѣкоторые изъ преступленій остались или нераскрытыми вовсе или мало разъясненными, и преступники пользуются безнаказанностью, заключаются не въ недостаткахъ, приписываемыхъ агентамъ обвинительной власти.

Чего мы имѣемъ право требовать отъ обвинительной власти? Не того, конечно, чтобъ обвинители упражнялись въ декламаторствѣ и старались, цвѣтами краснорѣчія, уснащать свои рѣчи; не того, чтобъ они, злоупотребляя силою слова, дѣйствовали на страсти присяжныхъ засѣдателей, съ цѣлью вырвать у нихъ, во что бы то ни стало, обвинительный приговоръ. Мы не имѣемъ права требовать отъ обвинителя, чтобъ онъ, такъ сказать, предрѣшалъ вопросъ, насилуя совѣсть присяжныхъ, своими яркими нападками на подсудимаго, унижающими достоинство обвинителя, какъ представителя власти и какъ человѣка, хотя бы онъ, единолично, и былъ добросовѣстно убѣжденъ въ виновности лица, имъ обвиняемаго. Его убѣжденіе, какъ бы сильно оно ни было, всетаки, не болѣе, какъ убѣжденіе единоличное, котораго онъ не въ правѣ возводить на степень приговора ни по положительнымъ, ни по нравственнымъ законамъ. Едва ли даже возможно допустить, чтобъ обвинитель могъ добросовѣстно признавать свое убѣжденіе безусловно непоколебимымъ и непогрѣшимымъ. Онъ не только можетъ, но и долженъ, конечно, дѣйствовать на основаніи добросовѣстнаго убѣжденія, но убѣжденія не въ томъ, что подсудимый непременно виноватъ во взводимомъ на него преступленіи, а только въ томъ, что выставленные имъ, обвинителемъ, и взятые изъ предварительнаго и судебного слѣдствія улики—

улики дѣйствительныя, такія, на которыя онъ, по долгу не только представителя обвинительной власти, но и просто честнаго человѣка, обязанъ указать присяжнымъ судьямъ, и которыя должны быть приняты ими во вниманіе. Личность подсудимаго для обвинителя должна быть, какъ всякая личность, неприкосновенна. Обвинитель не имѣетъ права касаться личности подсудимаго, ни прямо, ни косвенно; не долженъ вооружать противъ нея присяжныхъ, поселять въ нихъ отвращеніе къ ней, рисуя передъ ними въ невыгодномъ свѣтѣ прошедшую жизнь подсудимаго, или его поведение во время слѣдствія и суда, какъ бы то и другое ни казались ему предосудительными. Обвинитель имѣетъ право говорить только о фактахъ, объ отношеніи ихъ къ совершенному преступленію и связи ихъ съ подсудимымъ, и ни о чомъ болѣе. Вся сила обвинительной рѣчи должна заключаться только въ подборѣ фактовъ и данныхъ, служащихъ къ обвиненію, въ сопоставленіи ихъ, въ указаніи присяжнымъ нити, связывающей улики и преступленіе съ личностію обвиняемаго, наконецъ, въ строгомъ логическомъ выводѣ или заключеніи о *достоверности*, что преступленіе должно было быть совершено именно подсудимымъ.

Обвинитель, прибѣгающій къ декламаторству, набрасывающійся на подсудимаго, съ цѣлью поселить къ нему ужасъ или отвращеніе, дѣйствующій не на здравый смыслъ присяжныхъ, а на ихъ страсти, пользующійся наведеннымъ на общество страхомъ, отъ частыхъ повтореній однородныхъ преступленій (напримѣръ, дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ поджоговъ) — такой обвинитель роняетъ достоинство обвинительной власти и суда, и идетъ наперекоръ цѣлямъ правосудія.

Но чтобъ обвинительная власть могла вести обвиненіе

съ достоинствомъ и не насилуя совѣсти присяжныхъ пріемами и выходами, несогласными съ достоинствомъ суда и съ цѣлями правосудія, чтобъ она давала возможность судьямъ произносить обвинительный приговоръ съ полнымъ сознаниемъ, что они поступаютъ по долгу честныхъ гражданъ — для этого надо имѣть матеріалы, надо имѣть данныя, безъ которыхъ присяжные могутъ и, по совѣсти, должны будутъ оправдать подсудимаго, который, однако, можетъ быть дѣйствительно преступникомъ.

То же самое можно сказать и о защитникахъ подсудимаго. Декламатарство, съ цѣлью разжалобить присяжныхъ, какъ способъ вырвать у нихъ оправдательный приговоръ — самый плохой способъ защиты. Какъ у обвиненія, такъ и у защиты вся сила убѣжденія должна быть основана на фактахъ и данныхъ, почерпнутыхъ изъ предварительнаго и судебного слѣдствія, и въ искусномъ сопоставленіи ихъ; одинъ представляетъ присяжнымъ все, что служитъ къ обвиненію, другой — все, что служитъ къ оправданію. Борьба между обвинениемъ и защитою должна состоять только въ томъ, чтобъ силою имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ съ одной стороны ослабить силу и значеніе данныхъ, приводимыхъ другою, и строго логическими выводами разрушить группировку фактовъ и выводы противной стороны. Личность обвиняемаго можетъ служить обѣимъ сторонамъ лишь на столько, на сколько извѣстные факты могутъ быть объяснены или подкрѣплены, а другіе опровергнуты или ослаблены, психическимъ состояниемъ обвиняемаго и различнаго рода отношеніями его къ жертвамъ преступленія, или связями съ ними, если это, разумѣется, разъяснено предварительнымъ или судебнымъ слѣдствіемъ. Прошедшая жизнь обвиняемаго, несвязанная, непосредственно, съ преступленіемъ, въ которомъ онъ об-

виняется, матеріальное положеніе его, среда, въ которой онъ вращался, степень его умственнаго и нравственнаго развитія и т. п., могутъ служить защитнику только какъ аргументы для убѣжденія присяжныхъ и судей въ необходимости признать для подсудимаго облегчающія вину обстоятельства, въ случаѣ, если онъ будетъ признанъ виновнымъ въ совершеніи вводимаго на него преступленія. Но ни обвиненіе, ни защита не должны вооружаться этими же аргументами для убѣжденія присяжныхъ въ виновности или невинности подсудимаго. Прибѣгая къ этимъ аргументамъ, съ цѣлью построить на нихъ или подкрѣпить ими обвиненіе или защиту, обѣ стороны выходятъ изъ предѣловъ дѣйствительности и становятся на почву идеальную; говорятъ не въ пользу доказательства или опроверженія факта и отношеній къ нему обвиняемаго, а занимаются словопреніями о вѣроятности или невѣроятности преступленій. При этомъ, сторона обвиняющая всегда останется въ нападѣ; нападая на прошедшую жизнь обвиняемаго, она помогаетъ сторонѣ защищающей, которая, опираясь на прошедшую жизнь преступника, анализируя ее, всегда почти найдетъ аргументы для доказательства невѣроятности, разумѣется, теоретически; но и этого достаточно иногда, чтобъ поколебать совѣсть присяжныхъ и ослабить обвиненіе, опирающееся болѣе на декламаторствѣ, чѣмъ на фактахъ.

Такимъ образомъ, въ интересахъ истины, и для обвиненія и для защиты, равно необходимы матеріалы, т. е. факты и данныя. Но разница между обвиненіемъ и защитою та, что, при одинаковой бѣдности фактовъ и данныхъ, перевѣсъ остается на сторонѣ защиты. Защита можетъ быть построена исключительно на отрицаніи, можетъ быть введена очень успѣшно путемъ однихъ ссылокъ на недоста-

точность и несостоятельность фактовъ и данныхъ, представленныхъ обвиняющею стороною, которая лишена этого преимущества. Защита имѣеть право требовать фактовъ отъ обвиненія; обвиненіе же не имѣеть этого права, если само не выставляетъ такихъ уликъ, которыя могли бы быть опровергнуты только фактическими доказательствами. Законы всѣхъ странъ, не исключая и нашей, ставятъ непремѣннымъ условіемъ въ каждомъ дѣлѣ, уголовномъ и гражданскомъ, чтобъ истецъ представилъ доказательства своего иска; отвѣтчикъ же обязывается опровергать только такое притязаніе къ нему истца, которое основано на доказательствахъ. Это основное начало всякаго процесса, и никакой бездоказательный искъ не можетъ служить предметомъ для разбирательства, такъ какъ отвѣтчикъ не обязывается никакимъ закономъ даже отвѣчать или возражать на голословное обвиненіе или притязаніе кого бы то ни было: частнаго или публичнаго обвинителя. Въ судебныхъ уставахъ 20-го ноября 1864 года есть статья, которая ограждаетъ вполне права личности въ этомъ отношеніи. Вотъ подлинный текстъ ст. 685-й уголовного судопроизводства: «Молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины». Да и странно, въ дѣйствительности, требовать отъ человѣка, чтобъ онъ оправдывался или защищался, когда его ничѣмъ не уличаютъ.

Итакъ, для совершенно правильнаго веденія уголовного процесса предъ судомъ присяжныхъ, какъ въ интересахъ обвиненія, такъ и защиты, необходимы матеріалы, независимо, разумѣется, отъ умѣнья пользоваться ими. Интересы обвиненія и защиты, въ этомъ отношеніи, совершенно совпадаютъ съ интересами общества. Общество одинаково терпитъ, какъ отъ обвиненія невиннаго, такъ и отъ безнаказанности преступниковъ; въ первомъ случаѣ оно терпитъ,